

the negotiation and try to settle our treaty of commerce, upon hearing of which I informed his excellency, that I had received a counter-project of the treaty with some little alterations, that were so just and reasonable, that I hoped they would meet with no difficulty. I then shewed him the alterations His Majesty desired should be made, and he seemed to agree that they were reasonable, except what is desired in the 4th article to set the trade on an equal foot, where we propose that the russ should pay His Majesty «sur les effets qu'ils apporteront en Angleterre la valeur des droits qu'ils auroient payée moins que les anglois sur les mêmes effets à l'exportation hors des ports de la Russie». The baron said that was depriving Her Majesty of the liberty to favour her subjects, to which I answered: if Her Majesty's subjects paid less duty than the english, the Russia-company would be entirely ruined, for not only the russ, but hollands, hamburghers and even several of the english themselves, who are settled here, would send their goods to England under the borrowed name of a russ merchant, and be able to undersell all the fair traders, and by that means Her Majesty would lose also that part of her customs on the goods that foreigners would send to England in her subjects name. I made use also of all the arguments that your lordship has been pleased to furnish me with on that subject. His excellency at last seemed convinced, that it was necessary

---

Ея Величества приказаніи — продолжать переговоры и покончить дѣло о торговомъ договорѣ. Услыхавъ объ этомъ, я извѣтилъ барона о полученномъ контръ-проектѣ и о томъ, что въ первоначальной редакціи желательны небольшія измѣненія, на столько справедливыя и разумныя, что они, вѣроятно, не вызовутъ никакихъ затрудненій. Затѣмъ я показалъ ему и самыя измѣненія, внесенія которыхъ желаетъ король. Мнѣ показалось, что баронъ съ своей стороны также признаетъ ихъ вообще разумными; не соглашается онъ только на редакцію статьи 4-ой по поводу уравниенія торговыхъ расходовъ, предлагающей вѣзти съ русскихъ пошлину въ пользу короля «съ предметовъ, ввозимыхъ ими въ Англію, въ размѣрѣ, равномъ излишку пошлины, которая причиталась бы при вывозѣ товара изъ русскаго порта великобританскимъ подданнымъ, сравнительно съ пошлиною, уплаченною при вывозѣ оттуда же того же товара русскимъ». Баронъ замѣтилъ, что такая пошлина лишила бы Ея Величество возможности поощрять торговлю своихъ подданныхъ; я же отвѣчалъ: разъ русскіе будутъ платить пошлинъ менѣе, чѣмъ англичане, Россійская компанія окажется совершенно разоренною, такъ какъ не только русскіе, но и голландцы, гамбургцы, даже многіе изъ проживающихъ здѣсь англійскихъ купцовъ станутъ отправлять товары въ Англію подъ купленной фирмой русскаго купца, и такимъ образомъ потопятъ всѣхъ честныхъ торговцевъ, Государыня же лишится пошлины съ товаровъ, отправляемыхъ иностранцами въ Англію какъ бы отъ имени русскихъ подданныхъ. Кромѣ того я воспользовался всѣми аргументами, которыми ваше превосходительство любезно

some way should be found to equalize the trade, but I could not persuade him to consent, that it was reasonable that the russ should pay in England the difference of the customs. He said that, if no better way could be found, it would be much better the russ should pay here the same duties on all the goods they export to England, as do the british subjects; to which I answered, that it would be yet better if he could persuade Her Majesty to consent, that the british subjects should pay no more duties of exportation than the russ now did; but he told me he could not propose that expedient, because it would very much lessen Her Majesty's revenues. So our conference ended, and baron Shafiroff promised to make his report of the same to Her Majesty.

I very much fear, my lord, that it will not be possible to persuade Her Majesty to consent that her subjects should pay the difference of duties in England; but I humbly believe she will at last consent to make them pay as much on their exportations here, as the english, which is one of the alternatives your lordship mentions in your letter, dated the 26th of July. If I can judge by what I know of the people of this country by above six years experience, I don't think the russ will ever settle any trade in England that will be considerable enough to give the Russia-company any uneasiness, for some russ merchants, who have tried several times to send goods directly to Holland, France and Spain, have been such great losers by it, that they

---

снабдили меня по этому предмету. Наконецъ, кажется, баронъ убѣдился, что какой либо путь къ уравнию торговыхъ выгодъ долженъ быть найденъ, хотя увѣрить его въ томъ, что разумно было бы обязать русскихъ къ уплатѣ разницы въ Англіи — я не могъ. Онъ замѣтилъ, что, въ случаѣ, если никакого болѣе удобнаго выхода не найдется, пусть лучше русскіе платятъ здѣсь тѣ же вывозныя пошлины, какъ и великобританскіе подданные. Я отвѣчалъ, что еще лучше было-бы испросить согласія Ея Величества, дабы великобританскіе подданные платили вывозныхъ пошлинъ не болѣе, чѣмъ платятъ русскіе въ настоящее время. На это баронъ прямо заявилъ, что подобнаго предложенія онъ и сдѣлать не можетъ, такъ какъ слѣдствіемъ его явилось-бы крайнее уменьшеніе доходовъ Ея Величества. Этимъ и кончилась наша бесѣда, о которой Шафировъ обѣщалъ довести до свѣдѣнія Государыни.

Опасаясь, что Ея Величество не согласится на уплату русскими подданными въ Англіи упомянутой разницы, но ее, надѣюсь, удастся склонить на обложеніе ихъ тою-же вывозною пошлиною, которою обложены англичане, т. е. — добиться одного изъ рѣшеній, упомянутыхъ въ письмѣ вашего превосходительства отъ 26-го іюля. На сколько могу судить о русскихъ по почти шестилѣтнему знакомству съ ними, полагаю, что они никогда не заведутъ съ Англіею торговли, способной сколько-нибудь повредить интересамъ Россійской компаніи, такъ какъ немногіе русскіе купцы, пытавшіеся отправлять товары въ Голландію, Францію, Испанію непосредственно, по-

do not seem to have the least inclination to try any more such experiments. Nevertheless the Russia-company is certainly in the right to precaution itself against any such attempts.

The 25th instant this court received with a great deal of pleasure the news of the defeat of the french army in Italy by count Konigsegg, which, I hope, will prevent the friends of France doing any hurt to the emperor's interest here.

This court being informed that their frigate, that was taken by the french last summer in the Baltic, was come to Copenhagen, they have hired six merchant ships to transport the three french regiments to Copenhagen. As they will be ready to set sail in 8 or 10 days from Narva, where those troops are at present, that affair is near being at an end.

(Public Record Office; Russia, 1734; № 26).

№ 141. C. Rondeau to the right honourable lord Harrington.

St. Petersburg, October the 5th 1734.

I had the honour last thursday to receive your lordship's letters, dated the 10th and 13th of September. Counts Biron and Osterman were very will

---

терпѣли убытки на столько значительные, что на новую попытку самостоятельной торговли врядъ-ли рѣшатся. Этимъ я, конечно, не хочу сказать, чтобы Россійская компанія не имѣла права принимать своихъ предосторожностей противъ возможныхъ покушеній.

25-го сентября при русскомъ дворѣ съ немалою радостью получено извѣстіе о пораженіи французской арміи въ Италіи графомъ Кенигсегомъ; оно, надѣюсь, приостановитъ здѣшнихъ друзей Франціи отъ попытокъ противодействовать интересамъ императора.

Русское правительство, узнавъ о прибытіи въ Копенгагенъ фрегата, захваченнаго французами прошлымъ лѣтомъ въ Балтійскихъ водахъ, наняло шесть купеческихъ судовъ для перевозки въ Копенгагенъ трехъ французскихъ полковъ, сдавшихся подъ Вейксельмюнде. Суда эти дней черезъ восемь или десять должны быть готовы къ отправленію изъ Нарвы, гдѣ въ настоящее время поселены французы. Слѣдовательно это дѣло близко къ развязкѣ.

№ 141. К. Рондо лорду Гаррингтону.

С.-Петербургъ, 5-го октября 1734 г. (16-го октября н. ст.).

Прошлый четвергъ я имѣлъ честь получить письма вашего превосходительства отъ 10-го и 13-го сентября. Графамъ Бирону и Остерману было очень пріятно

pleased when I informed them, that His Majesty would order my lord Kin-noul to concur with the dutch ambassador at Constantinople to do all he can to preserve the peace between this court and the Ottoman Porte, and try to get the best assurances of the peaceful disposition of the turks towards the dominions of Moscovy. I find, my lord, by count Osterman's discourse, that they continue yet to apprehend, that the french ambassador at Constantinople will find at last means to persuade the turks to attack either this court or that of Vienna.

The 29th of last month the six Dantzig deputies had their audience of Her Majesty, and made a very fine and moving discourse, which has been very much approved of by Her Majesty, which makes me hope, that part of the money they are to pay by the capitulation will be abated them.

This court has been taken up all this week in reviewing the three regiments of foot guards, and the regiment of horse guards, and the cadets before twelve of the french officers, who have been brought here from Narva to take their leaves and to thank Her Majesty for the many favours she has been graciously pleased to bestow on them during their stay in this country. It must be confessed, my lord, that Her Majesty has been very kind to the three french regiments, most of which would have perished here with cold, if the Czarinna had not been so good as to give every common soldier

---

услыхать о приказаніи, данномъ его величествомъ лорду Киннулю — вмѣстѣ съ голландскимъ посланникомъ въ Константинополь принять всѣ мѣры къ сохраненію мира между Россіей и портой оттоманской, и озаботиться возможнымъ обезпеченіемъ миролюбиваго настроенія Турціи по отношенію къ Россіи въ будущемъ. Изъ словъ графа Остермана вижу однако, что онъ по прежнему опасается, какъ-бы французскому послу въ Константинополь не удалось, наконецъ, склонить султана на разрывъ либо съ петербургскимъ, либо съ вѣнскимъ дворомъ.

29-го сентября шесть данцигскихъ депутатовъ являлись Ея Величеству въ аудіенціи, причемъ произнесли прекрасную и трогательную рѣчь, которая весьма понравилась Государынѣ; потому надѣюсь, что имъ прощена будетъ часть контрибуціи, назначенной по капитуляціи.

Дворъ всю минувшую недѣлю занимался смотрами трехъ полковъ гвардейской пѣхоты, коннаго гвардейскаго полка и кадетъ въ присутствіи двѣнадцати французскихъ офицеровъ, привезенныхъ изъ Нарвы съ цѣлью откланяться Ея Величеству и поблагодарить ее за многія милости, которыми ей угодно было осыпать ихъ за время ихъ пребыванія въ Россіи. Нельзя не сознаться вашему превосходительству, что Государыня относилась къ тремъ плѣннымъ французскимъ полкамъ съ чрезвычайной милостью: полки эти здѣсь вымерли-бы отъ холода, если-бы царица не снабдила

a great coat lined with sheep skin, and to every officer one lined with fine fox skin.

The person your lordship hints at in your letter dated the 10th of September, arrived here two or three days ago, and is named L'Etang; he has dined at court at the great-marshal m-r Levenvolde's table with the above-mentioned french officers. I took the liberty to mention to count Biron by way of conversation that the world would make various reflections on the civilities this court shewed to the french officers and to m-r L'Etang; he told me that I might assure the king, my master, in his name, that, notwithstanding the civilities that had been shewn to those gentlemen, nevertheless Her Majesty would never give ear to any insinuations or even to any advantageous offers the french court might make to her. His excellency ended his discourse on that subject by telling me that m-r L'Etang had a full power to grant Her Majesty anything she could ask, but as he, count Biron, was an honest man and my friend, so I might depend Her Majesty would continue steady to the common cause for she was not of a changeable temper, as the king of Prussia. . . .

(Public Record Office; Russia, 1734; № 26).

№ 142. Lord Harrington to the right honourable m. Rondeau.

Whitehall, October the 11th 1734.

I have now in my hands your letters of the 7th and 14th of September,

каждаго простого солдата теплою одеждой, подбитой овечьимъ мѣхомъ, и каждаяго офицера одеждой на хорошемъ лисьемъ мѣху.

Лицо, на которое ваше превосходительство намекаете въ письмѣ отъ 10-го октября, прибыло сюда дня два или три тому назадъ. Фамилія его — де л'Этанъ; онъ обѣдалъ при дворѣ за столомъ оберъ-гофмаршала Левенвольде вмѣстѣ съ вышеупомянутыми французскими офицерами. Я рѣшился упомянуть графу Бирону въ разговорѣ, что по поводу любезности, оказанной русскимъ дворомъ французскимъ офицерамъ и де л'Этану, могутъ возникнуть различныя соображенія. Графъ разрѣшилъ мнѣ дать отъ его имени королю, государю моему, увѣреніе, что не взирая на любезность, оказанную французамъ, Ея Величество никогда не станетъ прислушиваться не только къ инсинуаціямъ, но даже къ какимъ бы то ни было выгоднымъ предложеніямъ французскаго двора. Въ заключеніе своей бесѣды по этому поводу онъ прибавилъ, что де л'Этанъ снабженъ полномочіями согласиться на все требованія Государыни, но что онъ, графъ Биронъ, какъ честный человекъ и другъ мой, приглашаетъ меня довѣрять отношеніямъ Ея Величества къ общему дѣлу, такъ какъ она не отличается измѣнчивымъ характеромъ подобно королю прусскому. . . .

№ 142. Лордъ Гарригтонъ К. Рондо.

Уайтгэлла, 11-го октября 1734 г. (22-го октября н. ст.).

Я получилъ ваши письма отъ 7-го и 14-го сентября и предъявилъ ихъ королю